

Магические и символические практики в народной культуре

УДК 398(470):82-343

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-6-12-26

Колдун/колдунья:
особенности референции магических специалистов
в севернорусских мифологических рассказах

Виктория А. Черванёва

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется употребление номинаций магических специалистов в мифологической прозе севернорусской традиции (на примере лексем *колдун/колдунья*). В быличковом нарративе прослеживается отчетливая тенденция избегать прямых наименований магических специалистов при первом упоминании, для ввода в ситуацию текста, что является показателем существенного отличия от референциальных свойств функциональных имен (наименований людей по профессии и роду деятельности) в русском языке. Характер функционального имени у номинации *колдун* появляется в ситуации конвенциональной закреплённости статуса за референтом. В рассказах о личном опыте это наблюдается в случае изображения колдуна-знахаря – помощника в бытовых, медицинских и других вопросах. В остальных случаях номинация используется не для идентификации, а только для характеристики. В фабулизованных пересказах историй с устойчивой традиционной структурой номинацией *колдун* вводится в текст и персонаж с функцией вредительства (в текстах с устойчивым мотивом «колдун портит свадьбу»). Очевидно, что в таких нарративах содержание и, соответственно, статус персонажей предзаданы и определены традицией, и рассказчик только озвучивает их, употребляя соответствующие имена, тогда как в личных нарративах – мемуарах – говорящий сам делает выбор языковых средств для номинации действующих лиц и объектов, это является сферой его ответственности. Наблюдаемая при этом регулярность присвоения имени *колдун* персонажам, занимающимся «полезной» для социума деятельностью, и отсутствие таковой по отношению к вредоносным персонажам свидетельствует о разных механизмах означивания в аксиологически различных ситуациях.

Ключевые слова: мифологический нарратив, мифологическая лексика, референция, коммуникативная ситуация

© Черванёва В.А., 2023

Для цитирования: Черванёва В.А. Колдун/колдунья: особенности референции магических специалистов в севернорусских мифологических рассказах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 6. С. 12–26. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-6-12-26

Sorcerer/sorceress:
nomination of magical specialists
in Northern Russian mythological stories

Victoria A. Chervaneva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the use of the nominations of magical specialists in East Slavic mythological prose using the lexemes “sorcerer/witch” as an example. There is a clear tendency in the narrative to avoid the direct names of magical specialists at the first mention, to introduce text into the situation, which is a significant difference from the referential properties of functional names (names of people by profession and occupation) in Russian. The sign of a functional name in the nomination “sorcerer” appears in a situation of conventionally assigned status to the referent. In stories about personal experience, this is observed in the case of the image of a sorcerer-healer (assistant in domestic, medical and other matters). In other cases, the nomination is used not for identification, but only for characterization. In retellings of stories with a stable traditional structure, a malicious character is also introduced into the text with the help of the nomination “sorcerer” (in texts with a stable motive “the sorcerer spoils the wedding”). It is obvious that in such narratives the content and, accordingly, the status of the characters are known in advance and determined by tradition, and the narrator uses the appropriate names, while in personal narratives the speaker himself makes the choice of language means for nominating characters and objects, this is his area of responsibility. The observed regularity of assigning the name “sorcerer” to characters engaged in socially useful activities, and the absence of such in relation to harmful characters, indicates different mechanisms of meaning in axiologically different situations.

Keywords: mythological narrative, mythological vocabulary, reference, communicative situation

For citation: Chervaneva, V.A. (2023), “*Sorcerer/sorceress: nomination of magical specialists in Northern Russian mythological stories*”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 12–26, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-6-12-26

Анализ референции лексики – характера соотношения языковых единиц с объектами внеязыковой действительности¹ – не является сугубо лингвистической проблемой: ее рассмотрение на фольклорном материале может пролить свет и на некоторые не выясненные пока вопросы фольклористики. Такая задача может быть поставлена и реализована в рамках «коммуникативно ориентированного» изучения фольклорного текста – как речевого высказывания с учетом коммуникативной ситуации, ее особенностей и составляющих компонентов. Эта методологическая установка, берущая свое начало в работах К.В. Чистова [Чистов 2005], прочно утвердилась в современной фольклористике с ее пониманием фольклора «как базовой формы социокультурной коммуникации» [Неклюдов 2018, с. 11] и была успешно реализована прежде всего в исследованиях прагматики фольклорного текста [Адоньева 2004; Веселова 2003; Веселова, Степанов 2019; Левкиевская 2006; Левкиевская 2008; Толстая 2010].

Коммуникативный подход к изучению фольклорного текста помещает в центр исследовательского внимания человека – говорящего, носителя традиции. Ставя целью исследование механизмов использования языковых средств в тексте устной традиции, я исхожу из гипотезы о влиянии позиции говорящего (характера его включенности в ситуацию речи и его нарративной роли) на употребление им языковых единиц, в частности на референциальный потенциал используемой им лексики.

Современная лингвистика располагает довольно подробно разработанной теорией референции и детальными описаниями языковых механизмов референции на материале русского языка [Арутюнова 1976; Падучева 1985; Шмелев 2002]. Приложение этого методологического инструментария к фольклорному тексту дает интересный результат и позволяет сопоставить результаты наблюдения с общеязыковыми тенденциями.

Так, А.Д. Шмелев, рассматривая референциальные особенности имен существительных в русском языке, выделил несколько классов имен в зависимости от их способности соотноситься с объектами реальной действительности: *результативные, актуальные, качественные, функциональные, реляционные, прономинальные* существительные – и описал «поведение» этих единиц в речи [Шмелев 2002, с. 205–238]. При экстраполяции этой классификации на традиционные номинации магических специалистов, используемые в устной традиции (*колдун, ведьма, знахарь* и т. д.), возникает

¹Арутюнова Н.Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 411.

проблема квалификации некоторых лексем. По А.Д. Шмелеву, наименования людей по роду деятельности, профессии, социальной роли составляют класс функциональных имен – это обозначения лиц по нелокализованному во времени признаку, т. е. действию/ряду действий, которые человек должен производить в соответствии с конвенционально закрепленным статусом, например *врач, учитель, ученик, судья, покупатель* и т. д. [Шмелев 2002, с. 220–227]. Использование функционального имени для наименования лица исключает субъективную оценку его говорящим – имя лишь отражает признанный обществом статус, социальную роль носителя номинации, в отличие от качественных имен (таких как *болтун, чудака, грязнуля* и т. п.), характеризующих человека на основе наблюдения за его поведением и, таким образом, предполагающих субъективную оценку при присвоении имени.

Данные особенности семантики определили и различия референциальных свойств этих двух классов имен. Яркой особенностью функциональных имен является их склонность к абстрактной референции – обозначению целого класса объектов (Ср.: *Надо сходить к **врачу**. **Посетители** обязаны соблюдать правила внутреннего распорядка*), а также хорошая приспособленность к конкретно-референтному употреблению – использованию в качестве прямого имени для идентификации конкретного лица (Ср.: ***Врач** вошел в кабинет. **Покупатель** возмутился*) [Шмелев 2002, с. 223]. У качественных же имен возможности референтного, идентификационного употребления весьма ограничены – прежде всего они используются как предикаты [Арутюнова 1976, с. 348–350; Шмелев 2002, с. 218]. Ср.: *Он болтун. Он чудака* при невозможности или, по крайней мере, сомнительности употребления **Болтун вошел в комнату*.

По моим наблюдениям, референциальное «поведение» номинаций магических специалистов в устных мифологических рассказах существенно отличается от особенностей как функциональных, так и качественных имен, что свидетельствует об их гибридном, переходном статусе. Хотя по своей семантике они в большей степени тяготеют к функциональным именам, но не вполне ими являются.

Попытаюсь показать это и обосновать утверждение на примере одной соотносительной пары лексем – *колдун /колдунья* – в устных мифологических рассказах севернорусской традиции. Материал исследования – корпус мифологической прозы из архива Лаборатории фольклористики РГГУ² (весь материал записан в Каргопольском районе Архангельской области, частично опубли-

²Далее – АЛФ РГГУ.

кован³), а также материал сборника О.А. Черепановой⁴. Всего было рассмотрено более 900 нарративов и нарративных фрагментов соответствующей тематики (о колдовстве).

В мифологических текстах севернорусской традиции наряду с лексемами *колдун/колдунья* в качестве специальных прямых имен магических специалистов также используются *ведьма, ворожея, знахарь, знахарка, знаток, знатуха, знающий, колдовка, шопотунья* и др., а также ряд общих имен, имеющих в диалекте специальное значение (*бабка, бабушка, старичок, старуха, старушка*).

При анализе частотности употребления номинаций сразу обращает на себя внимание широкая представленность в корпусе лексемы *колдун*, однако при более пристальном рассмотрении оказывается, что тексты, в которых это слово свободно и часто употребляется, не являются нарративами – это поверья или поверьеобразные фрагменты, обрамляющие быличковое повествование. Ср.:

Рассказывали, что свадьбе... испортят молодых-то. Дак даже некоторые умирали, вылечить не могли. Умирали. Какие-то *колдуны* были да какие-то кидали шарики незаметные (Знатки, с. 187, № 240).

Колдуны такие есть, а есть такие вредные люди, есть. А у ково глаз плохой, а другой, может быть, специально чево-нибудь знают они, эти, которые на порчу, они знают эти люди (АЛФ РГГУ, инф. КТС, с. Кречетово-Евсино, д. Ручьевская Каргопольского р-на Архангельской обл., 1996 г.).

Колдунами под старость становятся, когда им срок приходит творить. *Колдуны* молоко у коровы отнимали, свадьбы портили (Чер., № 303).

Примеры употребления этой номинации в поверьях представляют собой случаи осуществления абстрактной референции – обозначения целого класса людей (открытого неисчислимого множества). Также можно заметить, что слово, как правило, появляется

³См.: Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Под ред. А.Б. Мороза. М.: Форум; Неолит, 2012. 592 с. (далее – Знатки).

⁴См.: Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост., коммент. О.А. Черепановой. СПб.: СПбГУ, 1996. URL: <https://www.book-site.ru/fulltext/mip/hol/ogi/che/skye/index.htm> (дата обращения 15 июля 2022) (далее – Чер.).

в речи не спонтанно, а как реакция на его употребление в вопросе собирателя. Ср.:

<Если умирал колдун, что нужно сделать, чтобы он легко умер?> Они умирают худо, *колдуны*. <Худо?> Тяжело, тяжело, говорят, умирают. <Почему?> А не передали никому. Вот, говорят, худо их мучает (Знатки, с. 57, № 40).

В быличковом нарративе значительная доля лексики с семантикой «магический специалист» вообще употребляется нереферентно – в качестве предиката (*В одной деревне жил дед Василий. Говорят, что он был колдуном* [Чер., № 325]). В данном случае слово *колдун* входит в состав сказуемого и является средством характеристики, а не идентификации персонажа, введенного в ситуацию текста другими средствами (*дед Василий*).

Следует иметь в виду, что, помимо предпосылок в виде особенностей семантики, слова – способности/неспособности осуществлять референцию – выбор способа идентификации объекта в речи обусловлен прагматически и зависит от свойств коммуникативной ситуации. Наиболее показательна для описания референциальных свойств слова позиция интродуктивного акта – первого упоминания в нарративе, введения объекта в ситуацию текста. По моим наблюдениям, в мифологических рассказах прослеживается четкая тенденция не использовать специальные обозначения магических специалистов в интродукции. В свободном повествовании, прежде всего в рассказах о собственном опыте, в подавляющем большинстве случаев для ввода персонажа в текст используются языковые средства, не имеющие специального значения «магический специалист». Перечислю их.

1. Общие имена с семантикой пола и возраста (*старик/старуха, мужик, женщина, баба* и др.):

У меня-от у зятя, у Кольки, он с Комсомольского, мать. А у её были вот, сам-от Колька был маленькой, а оне с мужем-от работали на железной дороге, а у них была в няньках **старушка**, с ребятами водилась. И **эта старушка** уходила, как двенадцать цясов, и она уходит из квартиры. А сватья-то возьмёт да и подкараулит, шо чё она в каждую ночь в двенадцать цясов и всё уходит. «А я, – говорит, – и подкараулила». Она вышла на крыльцо и говорит: «Двенадцать зайчат, двенадцать ц'ертят, собирайтесь ко мне» (Знатки, с. 51, № 34).

2. Общие имена в сочетании с именами собственными, которые выполняют роль идентификаторов:

У нас **женщина** была на Прилуке, **Марья Кузьмовна**, фсё знала (АЛФ РГГУ, инф. ВВБ, НАА, с. Судрома д. Ивановская Каргопольского р-на Архангельской обл., 2009 г.)

Тут вот есть **женщина** на берегу <в д. Исаково>, **Семишина Галина**, она этим делом <колдовством> интересовалась, так вот она, если скотина не придет, она найти может (Знатки, с. 214, № 290).

Также имена собственные довольно часто используются и самостоятельно:

...вот, значит, сидят мужики, вышли отдохнуть, значит, брёвна тут положены – кто-то строился ли что – вот так только помню, да. Сидят, разговаривают, а вот выходит **Жилкин** – фамилию его хорошо помню – и пшено у него в руках, и... рис или... ну, в общем, какая-то крупа ещё в руках, два пакетика. Выходит, и под гору это – бац! – всё высыпал... на него смотрят: «Ты чё это будешь делать?». Он говорит: «Ребята займутся работой хоть, а то... – говорит, – мне покою не дадут». <Это черти были?> Посидели, поразговаривали немножко – опять полные пакеты у него уже (Знатки, с. 51, № 33).

3. Реляционные имена (*дядя, тетка, кума, свекровь* и т. д.), идентифицирующие человека через отношение к рассказчику:

Вот слушайте, я вам свою, свой опыт, или как вам называть, расскажу, у меня на опыте было. Ой. Меня вот, **моего мужа брата жена** меня сделала. Приколдовала так, что ужас (Знатки, с. 36, № 16).

4. Местоименная номинация – использование такого способа идентификации с общеязыковой точки зрения нормативно лишь в ситуации присутствия объекта в поле зрения говорящих, однако в ситуации спонтанной речи это правило часто нарушается. Ср.:

Вот в войну-то этот самый умер <колдун>. У меня жил на этом, на заднем-то (Знатки, с. 49, № 31).

5. Глагольная номинация – посредством дескрипций, устойчивых в традиции эвфемистических формул описания магических способностей и действий (*те, которые знают; он знался, она с чертями знается/водится, у него есть маленькие* и т. д.):

Да, он **знался**, а как он умирал, бедный. <...> Тяжело умирал (Знатки, с. 46, № 28).

Раньше, скажут, например, многие раньше люди были таки, что так, скажут, с **чертями** **знаются** (Знатки, с. 55, № 37).

Этот способ обозначения продуктивен не только в нарративах, но и в поверьях, где речь идет о целом классе людей с указанными свойствами (см. последний пример). Таким образом, этот тип номинации выполняет роль как средства ситуативной идентификации, так и традиционного обозначения, закрепленного за данным понятием в традиции.

6. Нулевая номинация – имплицитный способ описания ситуации воздействия магического специалиста через указание на детали и признаки, на основании которых собеседник должен сам сделать вывод о характере действующего субъекта и правильно его идентифицировать:

Парень у нас погиб один, разбился на мотоцикле, между Ваджей и Святогоршей. Собрались мы и пошли посмотреть то место, где это произошло. Посмотрели, пошли в Виджу. Обратно идем, вновь мимо того места, а там лежат три куриных ноги, и никто не клал. Вся Святогорша потом об этом говорила (Чер., № 314).

Таким образом, в быличковом нарративе прослеживается отчетливая тенденция избегать использования прямых наименований магических специалистов (лексем *колдун /колдунья*) в интродуктивном акте. В ситуации же второго и последующего упоминаний персонажа прямые номинации употребляются более свободно, хотя все же нечасто. Например:

Вот эта... в Межупечье <село в нескольких километрах к западу от Каргополя, не доезжая до Печникова. Ныне не существует> **старуха** была. Ну это я слышала от дяди. У их потерялася лошадь, жеребёнок вернее. Ну он сына и отправил к ней, что она знает, жив жеребёнок или нежив. Ну, пришел парень, а **эта колдунья** и говорит: «Ну, что, паренёк, пришел... пришел, а не веришь? Так лучше бы и не ходить». Он шел, а он не верил, что она скажет. Так, говорит: «Нет, я верю... меня папа отправил, что жеребёнка нету две ночи». «Но, посиди, как веришь», – она ушла куда-то во двор. Пришла из двора и говорит: «Но, вот так». Она ничё не брала за это дело. Говорит: «Иди домой, жеребёнок дома». Вот как она знала? Вот вить в Каргополе многи **старуху эту** знали, но она уже, наверно, годов восемь нет её живой (АЛФ РГГУ, инф. ШЕП, с. Саунино пос. Льнозавод Каргопольского р-на Архангельской обл., 1999 г.)

Подобное явление – стремление не называть мифологический персонаж или явление прямым именем – было описано Е.Е. Левкиевской [Левкиевская 2006, с. 197–198] и, видимо, является универсальным референциальным механизмом мифологического рассказа. Исследовательница объясняет эту тенденцию прежде всего коммуникативными условиями бытования былички – речевого жанра, принципиально ориентированного на «своего» собеседника, в равной степени с рассказчиком вовлеченного в традицию и понимающего, о чем речь, без прямых имен и объяснений.

Вполне соглашаясь с предложенным Е.Е. Левкиевской взглядом на описанное явление, хочу, однако, добавить, что при анализе номинаций не собственно мифологических существ, а людей со сверхъестественными способностями обнаруживается более разнообразная и многомерная картина. Так, в быличковом нарративе все же есть примеры конкретно-референтных употреблений лексемы *колдун* (т. е. соотносимых с конкретным индивидом, имеющим пространственно-временную манифестацию), хотя и в довольно небольшом количестве, и эти примеры составляют две группы.

Во-первых, конкретно-референтное употребление этой лексики наблюдается в случае обозначения колдуна в его социальной роли помощника, использующего свои сверхъестественные способности для лечения людей и домашних животных, снятия порчи, розыска пропажи и т. д. Ср.:

Лошадь, потерялась у мамыши, ушла. Пошла она к **колдуну**: «Лошадь, – говорит, – ушла, помоги». А колдун ей говорит: «Ваша, лошадь жива, иди дорогой и не отворачивай». А она пошла и отвернулась и увидела – человек в вострой шапке на ее лошади, как засвистит, и только хвост мелькнул. А, если бы она не отвернула, то нашла бы лошадь-то (Чер., № 293).

У одной бабы тесто терялось и терялось, Вот она пришла к **колдуну**. Он ей и сказал: возьми топор и сядь против щестку, где ухваты кладешь. И в 12 часов вылезет жаба, а ты ей по лапам и по языку. Вот она и сделала так. Жаба вылезит, а она ей по лапам и по языку. А на другой день Дуня по деревне ходит и языком и руками трясет. И колдовать боле отстала (Чер., № 294).

Как видим, в приведенных примерах персонаж вводится в нарративную ситуацию с помощью традиционного обозначения *колдун*. Колдун выступает здесь в роли «профессионала», его роль конвенционально определена и закреплена в социуме, и в таких ситуациях употребление традиционной номинации ничем не отли-

чается от использования других функциональных имен – наименований человека по профессии и роду деятельности.

Второй случай более или менее регулярного конкретно-референтного употребления лексемы *колдун* в интродукции наблюдается в рассказах с устойчивым мотивом «колдун портит свадьбу»:

В деревне женился мужик и не пригласил **колдуна** на свадьбу. А он если сказал, говорит: «Э! не пригласил, ладно, – говорит, – придёшь ко мне». Ну, и сделал вот что. Они едут на коляске, а он погонялочку протасил через дорогу, и говорит женщине-то... Ну, короче, молодые спать легли, ничёго не получается (Знатки, с. 205, № 276).

Впрочем, лексема *колдун* не единственный способ осуществления референции к магическому специалисту в быличках с этим мотивом, ср.:

Раньше портили-то дак, ой. А вот был вот это, вон дом... стоит, двухэтажный-то <показывает в окно>. В общем ... **Одного мужика...** в общем, молоды должны идти в баню. Понимаешь? И, в общем, **одного мужика...** не... пригласили на свадьбу. И шо ты думаешь? Он сделал... (Знатки, с. 205, № 278).

В мифологических рассказах с другими мотивами вредоносного воздействия колдуна этот персонаж вводится в контекст с помощью языковых средств, не имеющих специальной семантики ‘магический специалист’, – по крайней мере, в рассмотренном материале.

Как видим, поведение слов – традиционных обозначений магических специалистов – в устных мифологических текстах имеет особенности по сравнению с общезыковыми тенденциями. Характер функционального имени у номинации *колдун* появляется, во-первых, в ситуации конвенциональной закреплённости статуса за референтом (в случае изображения колдуна-знахаря – помощника в бытовых, медицинских и других вопросах). В остальных случаях номинация используется не для идентификации, а только для характеристики, т. е. ведёт себя скорее как качественное имя.

Во-вторых, на референциальный потенциал традиционных номинаций магических специалистов влияет контекст, а именно степень фабулизированности нарратива. Так, тексты с мотивом «колдун на свадьбе», где лексема *колдун* употребляется конкретно-референтно, имеют достаточно устойчивую традиционную структуру, чаще всего это не рассказы о личном опыте, а фабулизированные пересказы историй, циркулирующих в социуме. В этих текстах редко фигурируют конкретные детали и персонажи, чаще наблю-

дается условный хронотоп, не совпадающий и не соотносящийся с ситуацией речи. Замечу, что в сказочном нарративе – традиционном тексте с урегулированной структурой и речевой формой, с установкой на вымысел и, соответственно, с моделируемым миром текста, не совпадающим с миром актуальной речевой ситуации, – анализируемые лексемы *колдун* /*колдунья* имеют свойства обычных функциональных имен и, выступая в роли прямых имен, являются регулярными средствами осуществления конкретной референции. Ср.:

А дальше *колдуньи* за ними пришли. А *колдунья* за ними вслед наблюдала. <...> Пришли в королевский дом. А уж эта *колдунья* превратилась там как в няню, в прислугу. <...> А этой *колдунье*-то хочется убрать скорей козлёнка⁵.

А невеста была у *колдуна*. Там надо в этот в замок надо несколько пройти. <...> Когда убили этого *колдуна*, вот как раз он, знать, прошёл туда к ней. И вот он с ней уехал⁶.

Очевидно, что такое употребление наименований магических специалистов допустимо и возможно в рамках референциального пространства (термин О.Е. Фроловой [Фролова 2008]) волшебной сказки и фабулата, тяготеющего к фикту, и встречает сопротивление контекста в меморатах об опыте взаимодействия рассказчика с конкретными, реальными людьми.

Каковы могут быть причины описанного явления – своеобразного референциального «мерцания» лексем – в мифологических нарративах?

Для того чтобы наименование магического специалиста функционировало в тексте как нормальное функциональное имя, необходимо соблюдение условия – наличие конвенциональной

⁵Самодёлова Е.А. Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI в. в записях Е.А. Самодёловой и друзей-фольклористов: Тексты. Т. 1 / Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 51. С. 97. № 88.

⁶Там же. С. 121. № 112. Примеры приводятся по современным записям сказок для хронологической соотнесенности сопоставляемых корпусов мифологической и сказочной прозы. Однако следует отметить, что описываемая тенденция употребления номинаций магических специалистов, как кажется, в целом характерна для сказок (ср. употребление слова *колдун* в качестве имени персонажа в сказках № 354–356 из сборника А.Н. Афанасьева: Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Гослитиздат, 1957).

закрепленности обозначаемого им статуса за референтом. В традиционных нарративах содержание и, соответственно, статус персонажей предзаданы и определены традицией, и рассказчик только озвучивает их, употребляя соответствующие имена, тогда как в личных нарративах – мемуаратах – говорящий сам делает выбор языковых средств для номинации действующих лиц и объектов, это является сферой его ответственности, и вот почему.

Установка на достоверность, определяемая обычно как ключевой признак устной мифологической прозы, в целом является общим свойством повседневной разговорной речи, в континууме которой существуют и бытуют мифологические тексты, – повседневной коммуникации присуща ориентация на соблюдение «максимы качества», т. е. сообщаемое в речи по умолчанию принимается как истинное [Арутюнова 1992, с. 12]. Свойственное разговорной речи доминирование говорящего как субъекта знаний, мнений, оценок [Апресян 2004; Падучева 1985, с. 141; Падучева 1996, с. 281; Падучева 2011, с. 9] наблюдается и в мифологических рассказах – нарратор здесь проявляет себя как активный мыслящий и рассуждающий субъект [Черванёва 2017; Черванёва 2018]. Именно поэтому ситуация мифологического текста требует обоснования выбора номинации для действующего лица.

Наблюдаемая при этом регулярность присвоения имени *колдун* персонажам, занимающимся «полезной» для социума деятельностью, и отсутствие таковой по отношению к вредоносным персонажам свидетельствует о разных механизмах означивания в аксиологически различных ситуациях.

Судя по материалу, функция вредительства, присваиваемая магическому специалисту в традиции, все-таки не осмысливается как профессиональный статус – во всяком случае, в реальной речевой практике не наблюдается конвенциональной закрепленности имени вредоносного персонажа за конкретным человеком, каждый раз именование конкретного лица этим словом (в данном значении) предполагает обоснование. Текст, описывающий ситуацию вредоносного воздействия колдуна, зачастую и является обоснованием присвоения персонажу этого имени, а собственно ситуация обнаружения сверхъестественной деятельности и есть основное событие текста. Разумеется, в таких случаях идентификация референта – конкретного человека – в начале повествования будет производиться языковыми средствами, не имеющими семантики ‘магический специалист’. Появление в последующем контексте у лексемы *колдун* субъективной оценки, не свойственной функциональному имени, меняет референциальный статус слова и вызывает описанное референциальное «мерцание» лексем.

Таким образом, особенности референции номинаций магических специалистов, которые по-разному употребляются в разных жанрах устной прозы, зависят от целого ряда факторов – прежде всего от модальности текста (установка на достоверность / вымысел), условий коммуникативной ситуации бытования текста (характера и степени включенности говорящего в ситуацию речи), содержательных особенностей текстов.

Литература

- Адоньева 2004 – *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: СПбГУ; Амфора, 2004. 312 с.
- Апресян 2004 – *Апресян Ю.Д.* Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 5–22.
- Арутюнова 1976 – *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Арутюнова 1992 – *Арутюнова Н.Д.* Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1992. С. 6–39.
- Веселова 2003 – *Веселова И.С.* Прагматика устного рассказа // Современный городской фольклор / Редкол.: А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С. 234–244.
- Веселова, Степанов 2019 – *Веселова И.С., Степанов А.В.* Опыт по ролям: перципиент, конфиден и другие (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2019. № 4. С. 10–24.
- Левкиевская 2006 – *Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор: семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.
- Левкиевская 2008 – *Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / Сост. А.С. Архипова, М.А. Гистер, А.В. Козьмин. М.: РГГУ, 2008. С. 341–363.
- Неклюдов 2018 – *Неклюдов С.Ю.* К читателю // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2018. Т. 1. № 1–2. С. 11–14.
- Падучева 1985 – *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 271 с.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.
- Падучева 2011 – *Падучева Е.В.* Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.

- Фролова 2008 – Фролова О.Е. Референциальные механизмы фольклорного и авторского художественного текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М., 2008. 47 с.
- Толстая 2010 – Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнолингвистике. М.: Либроком, 2010. 368 с.
- Шмелев 2002 – Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- Черванёва 2017 – Черванёва В.А. «Рассуждающий» повествователь в мифологическом нарративе // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 12. С. 9–16.
- Черванёва 2018 – Черванёва В.А. Субъект интерпретаций в мифологическом тексте // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9 (42). С. 22–35.
- Чистов 2005 – Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. 270 с.

References

- Adon'eva, S.B. (2004), *Pragmatika fol'klora* [The pragmatics of folklore], Saint Petersburg State University, Amfora, Saint Petersburg, Russia.
- Apresian, Yu.D. (2004), "Interpretative verbs: the semantic structure and properties", *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, vol. 7, no. 1, pp. 5–22.
- Arutiunova, N.D. (1976), *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning: logical and semantic problems], Nauka, Moscow, USSR.
- Arutiunova, N.D., (1992), "Speech behavioral acts and truth", in: Bulygina, T.V. (ed.), *Chelovecheskii faktor v iazyke: kommunikatsiia, modal'nost', deiksis* [Human factor in language: communication, modality, deixis], Nauka, Moscow, Russia, pp. 6–39.
- Chervaneva, V.A. (2017), "Deliberating narrator in a mythological narrative", *RSUH Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental studies" Series*, vol. 33, no. 12, pp. 9–16.
- Chervaneva, V.A. (2018), "Subject of interpretation in a mythological text", *RSUH Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental studies" Series*, vol. 42, no. 9, pp. 22–35.
- Chistov, K.V. (2005), *Fol'klor. Tekst. Traditsiya* [Folklore. Text. Tradition], OGI, Moscow, Russia.
- Frolova, O.E. (2008), "Referential mechanisms of folklore and author's literary text", Abstract of Ph.D. dissertation, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.
- Levkievskaya, E.E. (2006), "Pragmatics of the mythological text", in Tolstaya, S.M. (ed.), *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Vyp. 10: Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan folklore, vol. 10. Semantics and pragmatics of the text], Indrik, Moscow, Russia, pp. 150–214.

- Levkievskaya, E.E. (2008), "Bylichka as a speech genre", in Arkhipova, A.S., Gister, M.A. and Koz'min, A.V. (comp.), *Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: Sbornik statei v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoi deyatel'nosti* [Bricks: folkloristics and cultural anthropology today. Digest of articles in honor of the 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and the 40th anniversary of his scientific activity], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 341–363.
- Neklyudov, S.Yu. (2018), "A word to the reader", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 1, no. 1–2, pp. 11–14.
- Paducheva, E.V. (1985), *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Statement and its correlation with reality], Nauka, Moscow, USSR.
- Paducheva, E.V. (1996), *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic research. Semantics of time and aspect in the Russian language. Semantics of narrative], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Paducheva, E.V. (2011), "Egocentric valence and deconstruction of speaker", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 3, pp. 3–18.
- Shmelev, A.D. (2002), *Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'* [Russian language and extralinguistic reality], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Tolstaya, S.M. (2010), *Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury: ocherki po slavyanskoi etnolingvistike* [Semantic categories of language of culture: essays in Slavic ethno-linguistics], Librokom, Moscow, Russia.
- Veselova, I.S. (2003), "Pragmatics of oral story", in Belousov, A.F., Veselova, I.S. and Neklyudov, S.Yu. (eds.), *Sovremennyi gorodskoi fol'klor* [Contemporary urban folklore], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 234–244.
- Veselova, I.S. and Stepanov, A.V. (2019), "Experience by roles: percipient, confidant and others (communicative foundations of the composition of mythological narratives of the Russian North)", *RSUH Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental studies" Series*, no. 4, pp. 10–24.

Информация об авторе

Виктория А. Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; viktoriya-chervaneva@yandex.ru

Information about the author

Victoria A. Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; viktoriya-chervaneva@yandex.ru